

# СОДЕРЖАНИЕ

## 1 Дом «под рюмкой» в Староконюшенном .....11

*«Староконюшенная жизнь» – Архитектор Семен Кулагин – Купец-самородок с подозрительной трубой – «Торговый дом Трындина» – Доктор Петр Соловов, прототип персонажа из «Собачьего сердца» – Арбат в 1917 году: перестрелка и кучи мусора – «Верните городских!» – Разруха в головах – Уплотнение и коммуналка – Лика Мизинова и ее салон – «Маша с Арбата»*

## 2 Ярослав Смеляков на Арбате: «К врачам обращаться не стану» . . . .30

*Ночные посиделки трех поэтов у Спаса на Песках – Черный воронок – «Если я заболел, к врачам обращаться не стану» – Воскрешение – В финском плену – Из одного лагеря в другой – Забытая записка – «В казенной шапке, в лагерьном бушлате, полученном в интинской стороне...» – Замысел кинофильма Эльдара Рязанова – В гостях у поэта молодой Евгений Евтушенко – Кладбище паровозов – Ни дня без мамы – «Я унижаться не умею»*

## 3 Галерея на дому: у коллекционера Сергея Щукина в Большом Знаменском .....45

*Прадед Михаила Лермонтова – Как продавали актеров – Смешная история с отпеванием – Приятель Пушкина князь Николай Трубецкой – «Городок» – Откуда пошли Щукины – Вот и сколотили состояние... – Сергей Щукин женится и выселяет передвижников – «Давить конкурентов, как клопов!» – Вегетарианец и заика – Сезанна в спальню! – Лувр отказался, а Щукин купил – Матисс в Большом Знаменском: «Танец» и «Музыка» – Спаситель Пикассо «русский князь» Сергей Иванович – После 1917 года: Щукин меняется местом с кухаркой – Бегство за границу – Эта трудная парижская жизнь... – «Я не торгую принципами!»*

**4 У француза Шевалье в Камергерском. . . . . 78**

*У месье Ипполита Шевалье – Уголок Парижа в сердце Первопрестольной – Культовое место Москвы – Сам Гедеонов здесь обедал – Театральные вкусы эпохи – Приятного аппетита! – «Пулярды, прошипованные и надушенные трюфелем» – Любимая гостиница Льва Толстого и Стивы Облонского – Трения с женой – «Декабристы» и «Казачи» – Торжественный обед с Фетом и друзьями – Доходный дом – Приют для художника Анатолия Зверева*

**5 Ленинградский вокзал, бывший Николаевский . . . . . 111**

*Первый вокзал Москвы – Ленинградский и Московский: вокзалы-близнецы – Инженер Павел Мельников – Драгоценный палец Николая I – «Прямо дороженька: насыпи узкие» – Архитектор Константин Тон, любимец государя – Царский поезд прибыл! – По русской колее – «Близко Красных ворот есть налево поворот...» – Теофиль Готье открывает Россию – Чем кормили пассажиров? – Лихачи-извозчики – Плата за парковку – Прощание с Антоном Чеховым – Лев Толстой едет охотиться на медведя – «Красная стрела», легендарный поезд для артистов – Встречи в купе: Марк Рейзен и Владимир Атлантов – Олег Басилашвили и Ефим Копелян – Страшные истории от Эльдара Рязанова – 2009 год: курьез с переименованием вокзала*

**6 Усадьба Константина Станиславского в Леонтьевском. . . . . 153**

*Потомок богатого рода Алексеевых – Режиссер театра или директор фабрики? – «Перестаньте лузгать семечки в театре!» – Арест Станиславского – «Немедленно очистить помещение!» Как его выселили из дома – Огромный коммунальный муравейник – Как готовить на керосинке – Любимые щи Станиславского – Укротитель женских сердец – Борис Покровский смотрит «Евгения Онегина» из-под рояля – Станиславский и проститутка: «Верю!» – Экзамен Виктора Некрасова – Кровь за искусство – Мемориальный музей – Внучка основоположника вспоминает... – «В чем счастье на земле? В познании»*

**7 Дом тузов и шестерок в Романовом переулке . . . . . 188**

*Романовы: на пути к престолу – Доходная пошлость – Ленин «уплотняет» – Повседневная жизнь в советских коммуналах – Детство Ирины Архиповой – Кухня как исповедальня – Пятый Дом советов – Что бывает после излишеств с женой – Хрущев, передавший Крым Украине – Трагедии и драмы больших людей – «Тузы здесь!» – Фурцева рулит культурой – Молотов и Жемчужина – Пророческий тост Сталина – Красные маршалы: Ворошилов, Тухачевский и другие – «Вам Бабель нравится?» – Смотря какая!» – Полный Георгиевский кавалер – Георгий Жуков ждет ареста – Верный пес вождя – Шрамы Серебряковой – Москва отвергает Шостаковича*

**8 Живописная Кисловка: Поленов, Коровин и Якунчиковы . . . 241**

*В созвездии Кисловских переулков – Англофил Василий Якунчиков – Многодетная семья – Музыкально-литературный салон – Заботливая хозяйка большого дома Зинаида Мамонтова – «У бабушки была своя корова» – Художница Мария Якунчикова – «Пупок – глаз торса» – Неудачный роман с Константином Коровиным – Сватовство Василия Поленова – Мастерская Сергея Коненкова – «Старичок-полевичок» и голая балерина*

**9 Отель «Националь». Приют московской богемы . . . . . 255**

*«Пойдем на Уголок!» – Мессерер, Збарский и Максакова – Трактир «Балаклава» – Куда вложить деньги? В гостиницу! – Петербургский зодчий Александр Иванов – Дорогущая гостиница Москвы – Великие князья и премьеры – Савинков и бомба – Шагинян встречается с Гиппиус – Общежитие для наркомов – Возрождение «Националя» – История знаменитых постояльцев – Американцам нравится! – Ив Монтан и Христина Онассис – Ив Сен-Лоран и Параджанов – Богемные поэты Светлов и Олеша: с рюмкой по жизни – Эрдман и Платонов – Шаланды Никиты Богословского – Котлета де-воляя для Булгакова – Судак Орли под соусом – Сергей Прокофьев*

*лезет под рояль с Рихтером – Зернистая икра и лососина в голодные годы – Чуковский не выносит храпа – Простой советский человек – Валютчик Рокотов и шпион Пеньковский – Шолохов: поедemте в номера! – Золотая молодежь – «Национальная гвардия» – Михалков и Тарковский – Запретный джаз на втором этаже – Художник Щапов и скульптор Иконников – Мимо «Националя» на демонстрацию*

**10 У Щусева в Гагаринском. . . . . 321**

*Человек, сделавший себя сам – Когда судьба висит на волоске – «Не делай добра – не получишь зла» – Старинный особняк с декабристским прошлым – Здесь рождался замысел мавзолея – Его «Хованщина» – «Строитель Третьяковской галереи» – Битва за «Москву» – Расплата за успех – Спасибо... Лаврентию Берии! – Михаил Нестеров рисует последний портрет – Война началась! – Четырежды лауреат Сталинской премии – Семейные недуги – Посмертное признание*

**11 Дом советских писателей в Лаврушинском. . . . . 351**

*«Куй деньги, не отходя от кассы!» – Шостакович и Сартр – В гостях у Бориса Пастернака – Чтение «Доктора Живаго» и его последствия – Нобелевская премия – Жертвы 1937-го – Мария Агрессоровна – Стукачи за работой – Маргарита на метле – Битва титанов: вилкой в мягкое место – «Я с омерзением ложу руки» – «Гражданин! На выход!» – Как критик в лифте застрял – Анатолий Рыбаков и Федор Панферов – «За голубым забором» – Пришвин: «Люблю я свою квартиру!» – Филиал Третьяковки на квартире певицы Руслановой – Нехороший дом – «Король афоризмов» Юрий Олеша*

**12 У князя Шаликова на Страстном бульваре . . . . . 399**

*Бульварное кольцо – Кофейная кантата за завтраком: Пушкин, Вяземский и Баратынский – «Князь Шаликов, газетчик наш печальный» – Издатель и поэт – Адресат колких эпиграмм – Бытописатель войны 1812 года – По следам Наполеона – Александр Сергеевич в гостях у Петра Ивановича – Книжная лавка Ширяева*



---

## Дом «под рюмкой» в Староконюшенном

*«Староконюшенная» жизнь – Архитектор Семен Кулагин – Купец-самородок с подзорной трубой – «Торговый дом Трындина» – Доктор Петр Соловов, прототип персонажа из «Собачьего сердца» – Арбат в 1917 году: перестрелка и кучи мусора – «Верните городских!» – Разруха в головах – Уплотнение и коммуналка – Лица Мизинова и ее салон – «Маша с Арбата»*

Издавна в Москве было две Конюшенных слободы – Старая и Новая, как два автопарка, на телегах которых разъезжали не только царь-батюшка, но и его челядь, всякие там спальники да кравчие<sup>1</sup>. Староконюшенный переулочек напоминает нам о самой первой по времени возникновении слободе, что стояла у Пречистенских ворот Белого города еще при Иване Грозном. После очередного большого пожара слободу со всем ее населением от греха отправили подальше, аж за Земляной вал, поближе к Новодевичьему монастырю, и стала она Новой Конюшенной. Было это в XVII веке. А старая слобода превратилась вскоре в весьма престижный район Первопрестольной, благодаря чему цены на землю выросли здесь в несколько раз (этот процесс, похоже, не остановим). Богатое дворянство охотно обживало район между современной Пречистенкой и Арбатом – то, что и сегодня мы называем Приарбатьем, место заповедное и аристократическое. Существовало даже некое понятие «староконюшенной» жизни – «средоточия московской интеллигентской обывательщины», по выражению профессора и москвича Николая Давыдова. Среди жителей Приарбатья – герои Ивана Шмелева, Бориса Зайцева, а также их старших коллег – Льва Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина. «Мои ранние годы, – пишет Зайцев, – про-

---

<sup>1</sup> Кравчий – придворный чин в Древней Руси. Служил государю в торжественных случаях за обеденным столом, в его ведении были стольники, подававшие кушанья. – *Здесь и далее прим. ред.*

ходили в мирной, благодатной России, в любящей семье, были связаны с Москвой, жизнью в достатке – средне-высшего круга интеллигенции русской». Свой круг, свои люди, не меняющиеся десятилетиями семейные устои и традиции сытой и тихой жизни, передававшиеся из поколения в поколение, только не в усадьбах среднерусской полосы, а в самом что ни на есть центре города. И все это с определенным апломбом. Недаром у Петра Боборыкина в романе «Китай-город» (1882 г.) находим фразу: «Вы вобрали в себя всю добродетель нашего фобура». Фобуром в те годы называли арбатские переулки в подражание *Faubourg Saint-Germain* – сен-жерменскому аристократическому предместью Парижа.



**Приарбатье – московский Сен-Жермен**

Староконюшенный чем только не был за свою длинную историю – сперва улицей (Конюшенной, затем Сторожевой), потом переулком (Коробейников, Бахметьевский), пока наконец не утвердилось его нынешнее имя. Заглянув в переулок с Арбата, мы сразу натываемся на первый попавшийся нам дом № 47, он как раз последний по номеру. Этот интереснейший образец московского модерна, отмечающий пересечение Арбата со Староконюшенным переулком, построен в 1910–1912 годах и принадлежит



к числу наиболее удачных творений зодчего Семена Федоровича Кулагина, признанного мастера московской архитектурной школы начала прошлого века. Подмосковный уроженец, Кулагин получил профессиональное образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у самого А.С. Каминского – плодовитого мастера русской эклектики 1860–1880-х годов, в его же мастерской он приобрел и первые профессиональные навыки. Училище Кулагин окончил в 1890 году с Малой серебряной медалью, став неклассным художником архитектуры. Среди его работ – перестройка храма Успения Пресвятой Богородицы в Троице-Лыкове, интерьеры храма Иконы Божией Матери Ржевской на Поварской улице, лечебница в Большом Николопесковском переулке и другие.

И все же основной областью приложения его усилий стало проектирование доходных домов. И дом № 47 в Староконюшенном – лучший из них. Венчающая угол дома изящная башенка, большие окна с арочными завершениями, плавные изогнутые линии, подчеркивающие высоту здания (по тем временам это был небоскреб!), рельеф с львиноголовыми грифонами на фасаде, единый стиль оформления интерьеров – все это указывает нам на принадлежность постройки к главенствовавшему в Москве начала XX века художественному стилю модерн, переводимому с французского как «современный». Были здесь и неизменные аттики<sup>1</sup>, утраченные относительно недавно, при надстройке дома еще одним, седьмым этажом, искажившим пропорции первоначального проекта. Но нельзя, однако, не увидеть в здании и мотивы неоклассицизма, свидетельствовавшие о завершении эпохи модерна.

Этот дом очень похож на тот, в котором Борис Пастернак поселил свою Лару из «Доктора Живаго» – «в верхнем этаже большого дома на Арбате. Окна этого этажа, начиная с зимнего солнцеворота, наполнялись через край голубым светлым небом, широким, как река в половодье. Ползими квартира была полна признаками будущей весны, ее предвестиями. В форточки дул теплый ветер с юга, на вокзалах белугой ревели паровозы, и бо-

---

<sup>1</sup> Атик – декоративная стенка, возведенная над венчающим сооружением карнизом.

леющая Лара, лежа в постели, предавалась на досуге далеким воспоминаниям».

Изюминкой дома служит причудливая крыша над башенкой, напоминающая перевернутую рюмку. Откуда она здесь? Случайно ли? Строился дом по заказу богатейшей старообрядческой семьи Трындиных – известных московских фабрикантов. А старообрядцы, как известно, придерживаются весьма строгих правил в быту, в поведении. Они, например, исповедуют сухой закон, то есть совсем не пьют спиртного, а перевернутая рюмка – символ трезвой жизни. Она царит над всем переулком.



**Дом «под рюмкой». Начало XX века**

Попробуй-ка спроси сегодня первого попавшегося прохожего на том же Арбате – многих ли русских промышленников он знает? Хорошо еще, если назовут Мамонтовых или Морозовых, в крайнем случае Рябушинских. Они и по сей день на устах. А вот Трындины... Сегодня о них вспомнят разве что старожилы, а когда-то в дореволюционной Москве они были в большой силе. Их магазин на Большой Лубянке был известен всем ученым людям Первопрестольной, торговали они не конфетами (как Абрикосовы) и не мануфактурой (как Щукины). Семейное предприятие Трындиных двигало технический прогресс, занимаясь производством оптики, и было в этом вопросе главным в России.

Первым из Трындиных пришел в Москву из Владимирской губернии крестьянин-старообрядец Сергей Семенович Трындин. Случилось это, вероятно, в 1780-х годах, ибо в то время он работал в Императорском Московском университете механиком, где и «прошел первоначальное обучение изготовлению физических приборов в физическом кабинете». Получив необходимые навыки, полюбив свою профессию, он открыл в Москве мастерскую по изготовлению и ремонту различных научных измерительных инструментов.

Крестьянин-старообрядец выбрал верную нишу для развития предпринимательской деятельности, ибо до него никто этим не занимался. В деле ему большую помощь оказывали сыновья – так было принято в России, что наследники шли по той же стезе, что и родители. А было у него их, как в сказке, трое – Матвей, Абрам и Егор, и все деловые, с передавшейся от отца природной сметкой. К моменту начала Отечественной войны 1812 года семейное дело Трындиных достигло широкого размаха, позволившего открыть «первый в России оптический русский магазин». После войны произошел еще больший рост производства – оно и понятно, в строительстве без специальных инструментов не обойтись. А строили тогда много – в одной лишь Москве после французской оккупации сгорело до восьмидесяти процентов зданий.

С годами расширялся ассортимент производства, и когда в 1831 году Трындины представили свою разнообразную продукцию



**Егор Сергеевич Трындин,  
отец братьев Трындиных**



**Сергей Егорович Трындин**

на 2-й выставке мануфактурных изделий в Москве, то публика с большим интересом разглядывала геодезические приборы, в том числе нивелиры и астролябии, солнечные часы, барометры, термометры и прочее. Многие, особенно иностранцы, удивлялись – русские готовы сами делать столь сложные инструменты, значит, не такая уж Россия и лапотная! А уже через четыре года фабрика Трындиных на Большой Лубянке приступила к выпуску электрических машин. Приборы фирмы побывали даже в Арктике – с помощью русского полярного исследователя Фердинанда Врангеля, который пользовался солнечными часами работы «московского мастера Абрама Сергеевича Трындина».

Нас, конечно, интересует тот представитель многочисленной семьи, который выстроил на Арбате доходный дом. Это был Сергей Егорович Трындин, внук родоначальника и даже названный в его честь. Семейное дело он возглавил в 1868 году, в двадцать один год, вместе с младшим братом Петром. Несмотря на молодость, планы его были грандиозны – поставить производство

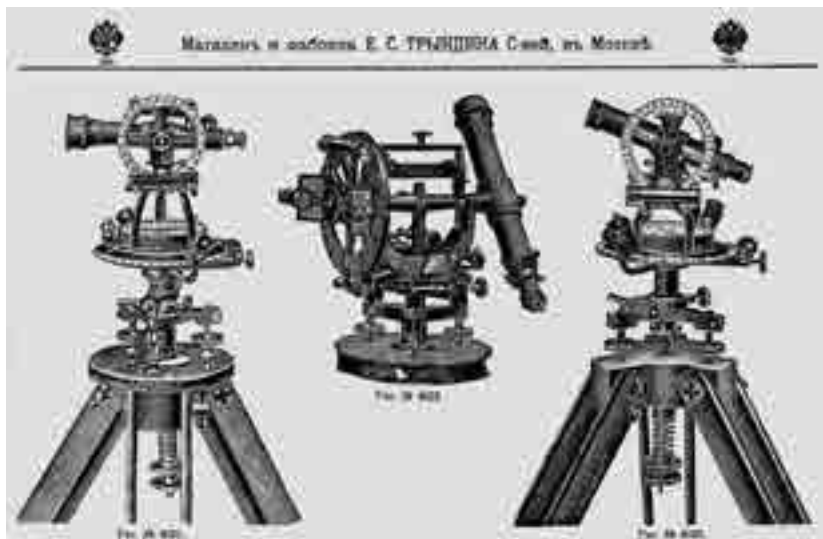


**Петр Егорович  
Трындин**

на современный промышленный уровень, а главное, вытеснить с российского рынка европейских конкурентов. С этой целью Сергей Егорович перестраивает фабрику, в разы увеличивая ее размеры для развития производства хирургических инструментов. Трындиным удается стать поставщиками медицинского оборудования для Российского общества Красного Креста во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. За это они в 1882 году удостоились «Знака Красного Креста за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов» от Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах и «высочайшей благодарности» от императрицы

Марии Федоровны. Фирма стала комиссионером Общества русских врачей, снабжая инструментами больницы и госпитали. Немало новейшего оборудования было приобретено Трындинами за границей, чтобы затем по образцам наладить производство у себя. Развитие в России антропологии также способствовало повышению их доходов – они поставляли в полицейские участки даже переносные портативные наборы антропометрических инструментов для обмера преступников.

Трындины представляли свою продукцию на крупнейших международных смотрах, в частности в 1884 году на Всемирной выставке в Антверпене за отличное качество привезенных из России астролябий, солнечных часов и телескопов фирма удостоилась золотой и серебряной медалей. А на Всероссийской выставке 1896 года в Нижнем Новгороде они получили почетное право ставить на своей продукции государственный герб – факт примечательный, свидетельствующий о признании высокого качества.



### Продукция Трындиных

Помимо физических, механических, хирургических и ортопедических приборов, санитарных принадлежностей, волшебных фонарей (аппаратов для проекции изображений), производившихся фирмой, Трындины занимались еще и установкой громотводов на самых известных зданиях Москвы, в том числе на храме Христа Спасителя, Большом театре и так далее. А за участие в строительстве храма Христа Спасителя в декабре 1883 года братьев наградили серебряными медалями на Александровской ленте. Они же провели электричество в резиденцию московского генерал-губернатора на Тверской улице. В здании на Большой Лубянке братья устроили обсерваторию, где демонстрировались продаваемые ими астрономические приборы.

Когда в 1894 году отмечалось 85-летие основания фирмы, на фабрике Трындиных трудилось 150 рабочих на 70 станках, а годовой оборот превышал 300 тысяч рублей. Праздник был большой: «Кроме рабочих фабрики и служащих, было приглашено много посторонних гостей. В помещении фабрики, роскошно убранном, перед иконой Иверской Божией Матери было совершено молебствие, с провозглашением многолетия Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу

и всему Царствующему Дому. Рабочие фабрики поднесли юбилеям иконы и хлеб-соль, а служащие – роскошный адрес, жетон и альбом с фотографическими портретами. Торжество закончилось обедом, на который были приглашены все присутствовавшие на молебствии, а рабочим было предложено угощение», – сообщал вездесущий «Московский листок».

В 1902 году братья Сергей и Петр Трындины создали «Торговый дом Е.С. Трындина Сыновей» с основным капиталом в 200 000 рублей, собранным поровну. Сергей Егорович отвечал за «наблюдение за всем счетоводством, корреспонденцией, за торговой стороной дела, приемом подрядов и поставок, а также посещение магазина и конторы», а Петр Егорович должен был «ведать всей хозяйственной частью, приобретать товары, наблюдать за работами и рабочими на фабрике, а также находиться при торговле в магазине». Отныне под этой маркой стали производиться все товары на фабрике.

Сергей Егорович Трындин занимал большое общественное положение, в 1887 году он «в воздаяние особых трудов и заслуг, оказанных им по званию Действительного члена Российского Общества Красного Креста, Всемилостивейше пожалован Кавалером Императорского и Царского Ордена Святого Станислава третьей степени», что дало ему право на получение звания потомственного почетного гражданина, коим он стал в 1888 году. Его также наградили орденами Святой Анны III степени и Святого князя Владимира IV степени. В 1889–1893 годах он был гласным Московской городской думы, председателем Московского городского попечительства о бедных Мясницкой части 1-го участка (в 1894–1915), много занимался благотворительностью, помогая слепым детям, находясь в составе Московского мужского благотворительного тюремного комитета и будучи почетным благотворителем Общества военных врачей. В 1903 году он стал коммерции советником.

Интересно, что сыновей, которым Сергей Егорович мог бы передать дело, у него не было (он умер в 1915). А в 1868 году Трындин женился на купеческой дочери Александре Михайловне Селиверстовой, также происходившей из старообрядческой семьи. Жена родила ему двух дочерей, из которых выжила лишь

одна, Анастасия (род. в 1871). Она вышла замуж в 1899 году за потомственного дворянина и надворного советника Сергея Васильевича Щепотьева. О том, насколько изменились времена, свидетельствует тот факт, что муж не был старообрядцем. В прежнее время такое вряд ли было возможно. Старообрядцы предпочитали породниться с представителями своей же веры. Поэтому Анастасии пришлось выйти из старообрядчества и присоединиться к единоверческой церкви. Только тогда молодых обвенчали, и в дальнейшем у них родилось семеро детей. Именно Анастасия Сергеевна Щепотьева и была владелицей дома на Арбате в 1917 году (когда скончался ее муж), вот почему ныне это здание известно как «Доходный дом с магазинами С.Е. Трындина и А. Щепотьевой».

Ну а кто же жил в этих роскошных апартаментах? Явно люди небедные, ибо на каждом этаже предусматривалось лишь по две квартиры, каждая площадью несколько сотен метров и чуть ли не по десять комнат. Например, в квартире № 8 обитал известный московский хирург и уролог Петр Дмитриевич Соловов. Родился он в 1875 году в Скопине Рязанской губернии, после окончания в 1898 году Московского университета работал в его госпитальной хирургической клинике, а затем в земских больницах Воронежской, Пензенской и Екатеринославской губерний. В 1908 году, защитив диссертацию, Соловов стал доктором медицины. Немало пациентов поставил Петр Дмитриевич на ноги, он лечил людей и в Пироговской больнице, и в Боткинской, и в других клиниках Москвы. Пользовал он и Льва Толстого, был домашним врачом в семье Третьяковых.

На Арбате Соловов поселился в 1913 году, пациенты приходили к нему прямо домой, бывало, что по 30–40 человек в день. Женщин и мужчин он принимал в отдельных просмотровых комнатах, были и помещения для ожидания, где больные ждали своей очереди. Можно себе представить, как осложнялась жизнь членов семьи доктора – фактически квартира превратилась в проходной двор, куда приходили даже ночью с разными болячками. У Соловова была жена, три дочери и сын, жившие в этой же квартире. Так что сравнивать Соловова с профессором Преображенским из «Собачьего сердца» можно лишь с некоторой условностью. Вот



почему вскоре Соловов приобрел на Большой Молчановке участок земли под хирургическую лечебницу, где он предполагал и жить со своей семьей. Но обстоятельства сложились по-иному. Во время Первой мировой войны лечебницу занял госпиталь, ну а после 1917 года – знаменитый родильный дом Г.Л. Грауэрмана, где появилось на свет немало замечательных москвичей. Февральскую революцию жильцы дома встретили восторженно. Узнав об отречении царя, они вместе со всеми москвичами участвовали в стихийной демонстрации, когда на улицы Москвы вышло более полумиллиона человек – четверть городского населения! Получивший свободу народ сразу принялся ловить городских, олицетворявших старую надоевшую власть. Кого-то из пойманных просто побили, кого-то сбросили в ледяную Москву-реку. Вместо полиции придумали народную милицию, в которую записывали всех подряд, лишь бы с оружием. Дворники бросили метлы и веники и пошли организовывать профсоюз с требованием увеличения зарплаты. Один митинг сменял другой. Все бросили работу и говорили, говорили, говорили...



**Московский  
городовой.  
XIX век**



**Московский дворник. XIX век**

Март и апрель 1917 года прошли еще в атмосфере эйфории. Но постепенно росли кучи мусора на улицах – никто ничего не убирал: свобода! Раньше бы городовому пожаловались на дворника, а теперь к кому идти? В доме генерал-губернатора засел комиссар от Временного правительства Кишкин, но проку от него было мало, попробуй дозвонись при неработающем телефоне. Трамваи ходили с трудом, а на sacramентальный вопрос кондуктора о билете можно было услышать: «Мы – люди свободные! Платить не будем!» Не стали короче и очереди в магазинах – талоны на продукты ввели еще в 1916 году. Хлеб, сахар, спирт – все превратилось в дефицит. Необычайных размеров достиг черный рынок. Господа спекулянты правили бал.

Улицы захлестнула преступность, квартиры грабили уже и среди бела дня. Нередко воры вступали в бой с милиционерами, убивая последних. Жители Староконюшенного организовали домовый комитет, распределявший, кому и в какую ночь дежурить в парадном с пистолетом. К ноябрю обстановка обострилась. Валяющуюся власть подбирали большевики. Арбат стал одним из очагов боев красных с белыми. Пострадал и дом в Староконюшенном. Академик Михаил Богословский, житель Арбата, отметил в дневнике 4 ноября 1917 года: «Суббота. После завтрака гуляли по переулкам нашего района. Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление! Глубина русского дикаря, кто изведает тебя! Встречались обыватели интеллигентного вида, унылые, испуганные, хмурого вида с поникшими головами. У всех на душе тяжелая дума».

Дума – понятно о чем: когда же вернется благословенный порядок в лице городского? Ольга Книппер-Чехова, жившая на Пречистенском бульваре, жалуется Марии Чеховой, сестре писателя, 2 ноября 1917 года: «Маша, если бы я могла дать тебе почувствовать, что сейчас переживаю. Пойдет уже седьмой день жуткой неизвестности. Гремят орудия, пулемет, летят шрапнели, свистят пули, разбивают дома, Городскую Думу, Кремль, разбили лошадей на Большом театре. Что-то страшное творится. Свой на своего полез, озверелые, ничего не понимающие. Откуда же

спасение придет? Наши герои – юнкера, молодежь. Офицеры, студенты, вся эта горсточка бьется седьмой день против дикой массы большевиков, которые не щадят никого и ничего и жаждут только власти. Телефоны не работают. Мы не знаем, что с нашими близкими, и они о нас ничего не знают. Провизия кончается, грозит форменная голодовка, хлеба не имеем уже пять дней. Сейчас пришел Лёва (племянник Лев Книппер. – *А.В.*), не спавший две ночи и сидевший все под пулями. Он приехал на два дня из Орла, где он служит в конной артиллерии, и, конечно, не утерпел и пошел в дело. Вначале он хоть был конным, а сейчас сидит в переулках и выбивает большевиков. Да не раздевался, не мылся все эти дни. Вся жизнь свелась в ожидание Лёвы: придет или не придет. Забегал каждый день, чтобы поесть. Родители, наверно, с ума сходят, ничего не знают о нём. Сейчас вымылся, лег у меня в спальне. Я все эти дни не сплю или сплю на диване. В передних комнатах жутко. В наши две квартиры уже попали пули, и потом холод там. Здесь хоть от самовару нагреешься. Жутко смотреть на вымерший бульвар, только галки как полоумные носятся, вспугнутые выстрелами. Ходят патрули юнкерские, высматривают большевиков, которые пуляют с крыши. Сейчас один офицер из нашего дому пошел на Кисловку, и я умалила его занести письмецо к матери, узнать, жива ли она. Все квартиранты дежурят с револьверами и день, и ночь в подъездах, и ворота, и двери заперты, и не освещается парадное, дежурят во дворе, пожары, а главное – неизвестность. Идет ли подмога? Говорят, железнодорожный союз не пускает казаков в Москву. Никто ничего не знает. Полная анархия. Чем это все кончится, никто не знает. Пока был телефон, все-таки была какая-то жизнь, а сейчас как в тюрьме сидишь. Ничем не возможно заниматься, раскладываю пасьянсы да рассматриваю старые годы журналы. Вчера разорвался снаряд над нашим домом, – какой это был треск! И сейчас погромыхивают орудия, а винтовки и револьверы не замолкают – привыкли уже. Через четыре дня, седьмого ноября, горничная Даша докладывает с похоронной физиономией, что большевики осилили и что кончилась бойня. Лёва не мог поверить и тут же сел играть траурный марш Шопена...»

Лёва Книппер еще успел повоевать с красными, а затем стал успешным советским композитором, автором широко популярной песни «Полюшко-поле». Нашла себя в Советской России и его тетушка.

Взявшие власть большевики отобрали у доктора Соловова клинику на Молчановке, а вот услугами его пользовались. Нередко к дому на Арбате подъезжала машина – это Лев Троцкий присылал за доктором свой автомобиль, чтобы Петр Дмитриевич приехал в Кремль лечить его родителей. Примечательно, что денег за это Соловову не платили – видимо, Троцкий полагал, что уже самим этим фактом оказывает врачу огромную честь. Спасибо, что не расстреляли, ведь Соловов был подполковником царской армии. Но однажды домой на Арбат привезли целый пуд муки – благодарность за лечение жены шофера Троцкого.

Интересные события происходили в этом доме в 1919 году. В роскошных апартаментах некогда аристократического Арбата расквартировался полк Красной Армии, он занял половину дома – ту, где размещались все нечетные квартиры. Их жильцам было велено в двадцать четыре часа освободить помещения и переехать в четные квартиры, так сказать, уплотниться. Так доходный дом превратился в коммунальный клоповник и казарму одновременно. Солдаты, подобно героям «Собачьего сердца», каждый день собирались во дворе дома и во всю ивановскую пели «Интернационал». Оправлялись они тут же, во дворе, ибо канализация в доме оказалась разрушена, отопления не было. В годы военного коммунизма семья Соловова выживала как могла. Жена доктора пекла пирожки сотнями, чтобы затем продать их на Смоленском рынке. В квартире завели кроликов, которые, размножившись, спрятались в дровяных штабелях кладовки – выманить их оттуда представлялось маловероятным. Зимы были суровыми, когда кончались дрова, печи топили книгами и мебелью. Из всех девяти комнат солововской квартиры топили лишь в спальне и детской. Трудно представить, что творилось на Арбате – трамваи не ходили, уличное освещение не работало, в разбитых витринах опустевших магазинов бегали крысы. Лишь с началом НЭПа жизнь стала возвращаться в более или менее привычное русло.

Коммунальный советский быт прочно вошел в жизнь дома № 47. Швондеры и шариковы на практике взялись осуществлять провозглашенный в их гимне принцип «Кто был ничем, тот станет всем!». Исчезла красная ковровая дорожка, что вела через все парадное в квартиры второго этажа, где жили Солововы. Туда же канул и швейцар в богатой ливрее, а вместе с ним и внутренний телефон, по которому он звонил жильцам, сообщая о пришедших к ним гостях. К доктору подселили соседей, оставив из девяти комнат лишь три, да еще и бывшее помещение для прислуги (которая теперь и сама могла рассчитывать на бывшие «буржуйские» квадратные метры). В общей сложности в квартире одновременно проживало более тридцати человек, которым приходилось часами стоять в очереди в один туалет и в одну ванную. На кухне умещалось до девяти столов. Несмотря на очевидные трудности общежития, доктор Соловов продолжал лечить людей. Он умер за год до начала войны, в 1940 году (сам поставил себе диагноз – неизлечимую болезнь). Его потомки жили в доме до начала 2000-х годов.

Ну а те, кому удалось вырваться из Советской России, с ностальгией вспоминали здешние края: «Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления – это ты, Арбат. По тебе снегом первым летят санки, и сквозь белый флер манны сыплющейся огневисто золотеют все витрины, окна разных Эйнемов, Реттере, Филипповых, и восседает “Прага”, сладостный магнит. В цветах и в музыке, в бокалах и в сиянье жемчугов, под звон ножей, тарелок веселится шумная Москва, ни о чем не гадающая, нынче живущая, завтра сходящая, полумиллионная, полубогемская, сытая и ветром подбитая, и талантливая, и распущенная. Гремят и вьюги над Арбатом, яростно стуча по крышам, колотясь в двери облаками снега. Но сквозь мглу и вой метели невозбранно проплывает седенький извозчик, в санях вытертых, на лошаденке дмитровской, звенигородской, как корабль нехитрый, но и верный. К Рождеству елки на Арбатской площади – зеленым лесом. Приезжают дамы в соболях, везут чиновники, тащит рабочий елочку на праздник детям. И, отбушевавши Новый год, в звоне ль шампанского, в гаме ли водочки с селед-



**Ли́ка  
Ми́зинова  
и Анто́н  
Че́хов**

кой, входят в ледяной январь, бегут, краснея носом, с усами заиндевевшими, обдуваясь паром, – кто на службу, кто торговать, по банкам и конторам. Кто – и по трактирам. Ночью же остро, хрупко-колюче горит Орион семизвездием, тайно прельщающим над кристаллом снегов», – плакал Борис Зайцев.

В этой же квартире Соловова, теперь уже коммунальной, в 1920-х годах жил и ученый-историк Иван Иванович Полосин (1891–1956), исследователь эпохи Ивана Грозного. Выпускник Московского университета, после 1916 года он служил в Румянцевском музее, затем преподавал в институтах. В 1930 году Полосина арестовали по так называемому академическому делу, обвинив в участии в антисоветской контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Во главе заговора чекисты поставили академика С.Ф. Платонова. Сидел Полосин в Бутырках, но виновным себя не признал. Приговорили его к трем годам концлагеря, а затем и к ссылке. В Москву он больше не вернулся.

А вот Лидию Стахиевну Мизинову (или Лику Мизинову) представлять не надо. Ее знает любой, кто читал Чехова или даже слегка приобщался к его биографии. Горячая поклонница писателя, она оставила неизгладимый след в его творчестве. Мизинова послужила прототипом Нины Заречной в пьесе «Чайка», а ее пение Чехов запечатлел в «Моей жизни» и «Черном мо-



**Юрий Яковлев**

нахе». Женщина она была красивая – настоящая Царевна Лебедь из русских сказок. «Ее пепельные выщипанные волосы, чудесные серые глаза под “соболиными” бровями, необычайная женственность и мягкость и неуловимое очарование в соединении с полным отсутствием ломанья и почти суровой простотой – делали ее обаятельной, но она как будто не понимала, как она красива, стыдилась и обижалась, если при ней об этом кто-нибудь (...) заводил речь. Однако она не могла помешать тому, что на нее оборачивались на улице и засматривались в театре», – писала Т.Л. Щепкина-Куперник.

С Чеховым Мизинова познакомилась осенью 1889 года, но писатель не прельстился

красотой Лики, как он ее прозвал. По мнению одного из его биографов, Чехов не нашел в себе силы чувства и душевной широты, чтобы ответить на ее искреннюю и глубокую любовь. Возможно, что брак не казался ему необходимой жизненной ценностью, как это случилось позднее, уже перед лицом приближающейся смерти, когда он женился на Ольге Книппер. Их роман развивался в письмах. И вот совпадение – на Арбате, в Вахтанговском театре долго шел спектакль «Насмешливое мое счастье», где Чехова играл Юрий Яковлев, а Юлия Борисова выступила в роли Лики Мизиновой. Кстати, Юрий Яковлев некоторое время тоже жил в этом доме, в той самой квартире № 8. Он снимал комнату в период между своим вторым и третьим браками, поскольку в это время жить ему было негде (с Екатериной Райкиной, дочерью Аркадия Райкина, он уже развелся, а следующую супругу еще не нашел).

Оставшись для Чехова музой, Мизинова, тем не менее, стала женой актера МХТ Александра Акимовича Санина. С ним она и жила в этом доме, в их квартире № 11 собирался литературно-музыкальный салон. Но это было до 1917 года, а в 1922 году Мизинова и Санин эмигрировали из Советской России.

Освободившаяся квартира (триста метров!) частично перешла к публицисту Иосифу Айзенштадту, мало похожему на Чехова во всех отношениях. Прошло много лет, и в бывшей квартире подросла правнучка публициста, унаследовавшая от него страсть к литературе. Свои сочинения она подписывает как Мария Арбатова (по паспорту Гаврилина). В коммунальной квартире прошло все ее счастливое советское детство: «В 1919 году мой прадед приехал из Белоруссии и купил на Арбате часть огромной квартиры – одну лишь гостиную, которую впоследствии разделили на три комнаты. Одну из частей этого “мира” занимали знаменитый режиссер, актер Александр Санин и его жена Лика Мизинова. Именно в этой квартире Лика пыталась соблазнить Антона Павловича Чехова, а ее горничная Оленька, которую я знала глубокой старушкой, стала прообразом чеховской “Душечки”, хотя дома ее называли душенькой. Жил здесь секретарь посольства Персии, его дочка впоследствии вышла замуж за директора ЦДЛ. В соседней комнате обитала секретарша Михаила Фрунзе, она была ученицей Константина Циолковского и страшно этим гордилась. Жил генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Иван Афонин. Даже кладовка в этом доме была занята женщиной, которая преподавала философию в Плехановском институте. Все эти люди были друг другу глубокими родственниками, если можно так сказать. Они вообще нисколько не стеснялись того, что живут вот так, в коммунальной квартире, все вместе. В 15 лет я получила ключи от двух комнат по этому адресу: Арбат, 27, 11. Мои окна выходили на квартиру Александра Пороховщикова (актер А. Пороховщиков жил по адресу: Староконюшенный переулок, 36. – *А.В.*). На 39 троллейбусе, от движения которого в сервантах приятно звенела посуда, я добиралась до Красной площади, абсолютно счастливая и не понимающая, за что мне досталось такое счастье. Сын белогвардейского офицера Олег Масаинов, тоже проживавший там, постоянно вызывал милицию, когда я открыла дома “салон Маши Арбатовой”, куда приглашала друзей-хиппи. Мы рисовали на стенах совершенно невообразимые картины. Тогда за мной закрепилось прозвище “Маша с Арбата”, которое я потом сделала своим псевдонимом. Позже родились дети и недолго успели пожить в этом месте.



Собственно, из-за детей мы и решились переехать. Двоих близнецов нужно было нести на руках из комнаты до ванной минут пять, такие были расстояния. Эти сложности невозможно ощущать только по молодости, с детьми они стали заметны. И врачи сказали нам, что если мы хотим, чтобы у сыновей были здоровые легкие, надо переезжать. Такое говорили почти 40 лет назад, понятно, что сказали бы сейчас...

Но Арбат мне снится, в том прежнем своем облиции, и когда я заболеваю, я обязательно еду туда, меня не остановит, даже если в этот момент идет град размером с куриное яйцо. Мне необходимо надышаться каждым его камушком, и от этой терапии всегда становится легче (...). Мой дом не обошли “преобразования”. На крыше уникального памятника архитектуры появился пентхаус. Когда я увидела его в первый раз, хотела подать в суд, с точки зрения охраны памятников архитектуры, но потом подумала, как необыкновенно хорошо живет людям там, наверху, какой невообразимо красивый вид открывается у них на Арбат».

Ныне дом заявлен как объект культурного наследия, ну а та самая рюмка есть не что иное, как итог перестройки крыши здания, устроенной одним из представителей новой староконюшенной «каристократии» уже в наше время.



**Дом  
«под рюмкой»,  
наши дни**

---

## Ярослав Смеляков на Арбате: «К врачам обращаться не стану»

*Ночные посиделки трех поэтов у Спаса на Песках – Черный воронок – «Если я заболею, к врачам обращаться не стану» – Воскрешение – В финском плену – Из одного лагеря в другой – Забытая записка – «В казенной шапке, в лагерном бушлате, полученном в интинской стороне...» – Замысел кинофильма Эльдара Рязанова – В гостях у поэта молодой Евгений Евтушенко – Кладбище паровозов – Ни дня без мамы – «Я унижаться не умею»*

Плутая по старой Москве, то и дело натыкаешься на тот или иной дом, несущий в себе отголоски былого, давно отставшего времени. И сколько бы путеводителей ни брал я в руки, не найти в них того, о чем иногда хочется прочитать. В неказистом старом доме № 38/1, что притулился на перекрестье Арбата и Спасопесковского переулка, более 65 лет назад происходили драматические события. Теплым августовским вечером 1951 года в гости к поэту Ярославу Смелякову пришли его молодые коллеги Константин Ваншенкин и Евгений Винокуров.

Однокомнатная квартирочка Смелякова была такой маленькой, что кухня в ней не помещалась. Газовая плитка и та стояла в коридоре, на ней и готовила жена поэта, Евдокия Васильевна (известная в писательских и иных кругах как Дуся). Просидели долго, читая стихи, уговорили три бутылки. Когда их не хватило, раскупорили стоящую на окне бутылку-четверть со смородиновой наливкой. Как вспоминает Ваншенкин, Смеляков «был словно чем-то озабочен, расстроен, но пытался отвлечься, попросил нас почитать стихи. Время от времени подходил к распахнутому окну и вглядывался в темноту». Что он мог там увидеть, разве что силуэт храма Спаса на Песках, который угодил на знаменитый поленовский пейзаж «Московский дворик»?

В честь этого храма-картинки и получил свое название Спасопесковский переулок.

Смеляков попросил Винокурова: «Посмотрите, там, напротив, никого нет на крыше?» Винокуров высунулся из окна, а Смеляков сказал ему: «Только не блевать!» Винокуров обиделся – его ведь даже не тошнило, а из окна он никого не увидел.

Ваншенкин и Винокуров покинули дом в Спасопесковском уже затемно. А потом в квартиру Смеляковых пришли незваные гости, и в карманах у них была не водка, а ордера на арест и обыск. Хозяина квартиры они забрали с собой. Было ли это неожиданностью для Смелякова? Похоже, что нет. Незадолго до ареста он признался жене: «Скоро меня посадят». Причиной плохого предчувствия послужила несдержанность Смелякова. Однажды, выпивая с Дусей и еще одним приятелем-поэтом, он сболтнул: «Странное дело! О Ленине я могу писать стихи, а о Сталине не получается. Я его уважаю, конечно, но не люблю». И все. Приятель ушел, а Дуся разрыдалась: «Если б ты видел, какие у него сделались глаза, когда ты это сказал!» – «А что я такого сказал? Сказал – уважаю».



**В этом доме  
в третий раз  
арестовали  
Ярослава  
Смелякова**

Есть и другая версия причины ареста. Летом 1951 года в Москву приехал турецкий поэт и политический эмигрант Назым Хикмет, поселили его в гостинице «Москва». Смеляков пришел к нему под проливным дождем. Хикмет отдал промокнушему поэту свою рубашку, а Смеляков подарил ему книгу «Кремлевские ели». Хикмет был рад книге: «Твое лицо похоже на лицо Маяковского, и я боялся, брат, что ты и пишешь, как он, лестницами. Но второй Маяковский, как второй Шекспир или второй Толстой, литературе не нужен. Нам всем надо стараться идти своей дорогой. А это самое тяжелое дело». После той встречи в «Москве» Смеляков стал ходить к Хикмету чуть ли не ежедневно. А потом пропал. Хикмет все пытался выяснить – в чем дело? Лишь по прошествии полутора лет одна знакомая шепотом сообщила – Смеляков арестован и будто бы без Хикмета не обошлось.

Якобы Смеляков во время одного из своих визитов в «Москву», находясь подшофе, спросил Хикмета о том, как его содержали в турецких тюрьмах, били ли его на допросах и тому подобное. На это Хикмет ответил, что его и пальцем не тронули. И тогда Смеляков бросил опасную фразу: «Считай, Назым, что ты и тюрьмы не нюхал. Подумаешь, одиночка! Да у нас за год следствия ты бы такое крещение прошел, что и ад показался бы раем». И тогда Хикмет официально попросил Союз писателей «оградить себя от дружбы» со Смеляковым, после чего последнего и арестовали.

Хикмет, дабы опровергнуть этот слух, обратился к Александру Фадееву, пытаясь защитить и Смелякова, и свое честное имя. Но руководитель Союза писателей все возможные ходатайства отверг, заявив, что помогать Смелякову бесполезно, он осужден на 25 лет по обвинению в антисоветской агитации и измене Родине. Но зато Фадеев где-то «проверил», упоминается ли имя Хикмета в уголовном деле Смелякова – оказалось, что нет. Впоследствии вышедший на свободу Смеляков подтвердил порядочность Хикмета. При Сталине хорошей привычкой было хранить в доме чемоданчик со сменой белья и тем, что может понадобиться, когда такой вот глубокой ночью настойчиво позвонят в дверь. Но дело было даже не в чемоданчике. Смелякова на квартире в Спасопесковском переулке взяли в третий раз. И уже в последний. Ведь срок ему дали на всю катушку – четвертак (двадцать пять лет), после чего уже не возвращаются.



### Черный воронок на улицах Москвы

О чем думал Смеляков, вновь оказавшись пассажиром черного воронка? Вспоминал ли, как приехал в Москву, где в 1932 году вышла его первая книга «Работа и любовь»? Интересно, что он сам же ее и набирал в типографии, где работал тогда. Комсомольский поэт Смеляков воспевал новую Москву, нарекая ее «городом весенним, звонкотрубным, на пороге солнечных времен». А по улицам Москвы ходили герои его стихотворений: и «хорошая девочка Лида», и «Любка Фейгельман» (Любовь Саввишна Руднева (Фейгельман), которая в более чем зрелые годы утверждала, что «все, что Смеляков написал про меня, это чушь, мы с Яром никогда не целовались»). И те, к кому он обращался в самом известном своем стихотворении:

*Если я заболею,  
к врачам обращаться не стану,  
Обращаюсь к друзьям  
(не сочтите, что это в бреду):  
постелите мне стель,  
занавесьте мне окна туманом,  
в изголовье поставьте  
ночную звезду.*